

Актуальные проблемы современных наук – 2008. Филологические науки//Материалы IV Международной научно-практической конференции. Том. 11. – Przemysl: Nauka I studia, Чехия, 2008. – С. 30-34.

http://www.rusnauka.com/14_APSN_2008/Philologia/31305.doc.htm

К.филол.н. Петухова Е.В.

Курский государственный университет, Россия

Звуки живой природы в языке (фоносемантический компонент)

Вопрос о соотношении звуковой оболочки слова и его значения с давних времен был объектом жарких дискуссий. В принципе это вопрос о происхождении языка, который, прежде всего, упирается в происхождение звуковой стороны слов. Еще Бенвенист, оспаривая соссюровский принцип произвольности языкового знака, утверждал, что «связь между означаемым и означающим не произвольна, напротив, она необходима» [Бенвенист 1974: 91]. А.М.Газов-Гинзберг говорит о том, что "звукоизобразительным праязыком человечества можно назвать те первичные зачатки языка рода человеческого, которые были основаны на естественной, отприродной, единственно возможной связи звучания со смыслом" [Газов-Гинзберг 1965: 3].

История эволюции языков свидетельствует о том, что в начале развития в них намного сильнее заметны звукоизобразительные элементы. Развивая глоттогоническую концепцию происхождения языка, критически анализируя существующие на сегодняшний день теории, основатель Санкт-Петербургской школы фоносемантики С.В. Воронин сделал вывод об отприродной (примарной) мотивированности, изобразительности языкового знака на начальном этапе филогенеза [Воронин 2006: 145]. Возникнув как примарно мотивированная сущность, языковой знак на начальной стадии развивается в пределах данного качества, т.е. в рамках звукоизобразительности.

Как оказалось, звукоизобразительные единицы любого языка поддаются классификации и могут быть выделены в звукоизобразительную систему языка, которой свойственны все признаки системы, а именно – концепт (звукоизобразительность как системообразующее свойство), субстрат (фонотип как носитель звукоизобразительности), структура (трихотомия, включающая генетический, диахронический и синхронический аспекты).

Хотя в процессе эволюции языка его звукоизобразительная система была оттеснена от центра к периферии, она “пронизывает” практически всю центральную часть языковой системы, что было доказано в многочисленных исследованиях по теории звукоизобразительности (см., например, О.А. Барташова, И.В. Кузьмич). Одной из наиболее изученных в лингвистике подсистем звукоизобразительной системы языка является звукоподражательная. Но несмотря на большое количество работ, посвященных ономотопе, звукоподражательная лексика долгое время рассматривалась не как система, а как некий набор немногочисленных лексических единиц

Основным мотивом, положенным в основу номинации звукоподражательного слова (ономатопа), является связь с акустическим признаком денотата. Иными словами, звукоподражания представляют собой аппроксимированную имитацию звучаний окружающей действительности фонетическими средствами. Таким образом, звукоизобразительная система носит не только интра-, но и экстралингвистический характер.

Мы хотели бы остановиться на анализе ономотопов, передающих звуки живой природы, в частности, лексики, отражающей голоса животных, рассмотрении ее структуры и места в языке.

Говоря о типологических особенностях ономотопов, передающих звуки живой природы, необходимо отметить, что сравнение исследуемых звукоподражаний в разных языках выявляет как сходство, так и различие. При этом типологическое сравнение звукоподражаний в различных (в том

числе и неродственных) языках должно осуществляться не с позиций отдельных фонем, а с позиций фонотипа [Воронин 2004: 140]. Говоря о звукоизобразительной функции фонемы в составе ономатопа, мы имеем в виду фонему как единицу того или иного фонотипа. Например, тоновый характер фонотипа передается долгими гласными, а также сонорными. Ср. англ. *bleat* “to utter the cry of a sheep, goat, or calf or a sound resembling such a cry”, эст. *mõdgima*, исп., *blar*, рус. *блеять*, тур. *melemek*, индонез. *mengembik*. Взрывной характер фонотипа передают собственно взрывные фонемы, например, англ. *cluck* “(a sound like the call of a hen”, норв., *klukk*, исл. *gagg*, греч. *κβκβςϋμβ*, рус. *кудахтанье*, тур. *gėdaklama*, исп. *cloqueo*. Вибрант /r/, как правило, отражает диссонантный характер фонотипа, например, англ. *grunt* “to make a low, rough sound”, чеш. *chrochtat*, фин. *rũhkĩd*, венг. *rũfũg*, рус. *хрюкать*, индонез. *menggeruh*.

Однако наряду со сходством в различных языках, можно отметить и различия в фонетической структуре звукоподражаний. Так, например, в английском ономатопе *chirp* “to make a characteristic short, sharp sound, as small birds and certain insects” присутствует вибрант, передающий диссонанс. Ср. чеш. *cvrlikbũn*, гол. *getjĩr*, эст. *siristus*. Но в некоторых других языках в звукоизобразительных единицах с тем же семантическим наполнением диссонанс не отражен, например, исл., *kvak*, *tnst*, индонез. *cicit*. Подобные различия могут объясняться, в частности, совокупностью действия внутриязыковых и внеязыковых факторов, а именно: спецификой фонологической системы конкретного языка, а также особенностями слухового восприятия носителей разных языков и культур [Вишневская 2005: 20]. Поскольку язык необычайно многогранен, важно отметить не раз упоминаемую многими лингвистами необходимость выхода в экстралингвистику, что вовсе не отрицает исследование языка языковыми же методами.

Большое число звукоподражаний голосов животных в различных языках объясняется лингвистико-акустическими возможностями человека

воспринимать и интерпретировать сигналы животных. Мы можем говорить здесь о преобладании имитаций звучаний птиц. Причина такого явления заключается в особенностях строения их голосообразующего и звукопоглощающего аппаратов и, как следствие этого, в многообразии и сложности звукового общения птиц [Петухова 2000: 30-32].

Думается, неправомерно было бы заявлять об абсолютно периферийном характере звукоподражательной подсистемы языка в синхронии. Однажды возникнув, единицы звукоизобразительной системы языка активно подвергаются процессам морфологической и семантической деривации, характерным для системы языка в целом. Так, например, в английском языке процессы морфологического и конверсионного словообразования имели место на протяжении всего периода его развития, на что указывают данные Большого Оксфордского словаря (БОС). Кроме того, данные словарей более позднего издания дают основания говорить о том, что процессы морфологического словообразования и конверсии осуществляются и на самом современном этапе существования языка. Среди способов словообразования, распространенных в рамках звукоподражательных основ, превалирует конверсия, которая менее всего способствует ослаблению примарной мотивированности языкового знака. Также весьма характерными для данной языковой подсистемы являются аффиксация (*croak* “to utter a low-pitched, harsh cry, as the sound of a frog or a raven” > *croaker, croaky, croaking, croakily, croakery*), словосложение (*grunt* “to utter the deep, guttural sound characteristic of a hog” > *grunt-and-groaner* “wrestler”) и редупликация (*twee* “the sound of some birds” – *twee-twee-twee/twee-we-we*), тесная связь которой со звукоизобразительностью неоднократно отмечалась в исследованиях по фоносемантике.

Весьма активными являются и процессы семантического развития в рамках звукоподражательной подсистемы, в частности, среди ономастопов, передающих звуки животных. Отприродно мотивированные звукоподражательные основы и их производные развивают метафорические

и метонимические значения, которые еще могут ощущаться как фонетически мотивированные даже в синхронии, хотя, как правило, семантическая деривация ведет к ослаблению примарной мотивированности языкового знака. Среди многочисленных путей семантической трансформации основ глаголов - обозначений звуков живой природы можно выделить, в частности, следующие:

- имитация звуков, издаваемых животными > наименования животных (часто в структуре словообразовательного значения сложносоставного слова): *screech* “to utter or make a harsh, shrill cry or sound (like that of an owl)” > *screech-owl* “any of numerous small American owls of the genus *Otus*”; *pew* “to cry (of a bird)” > *pewee* “any of several New World flycatchers of the genus *Contopus*” Иногда в основе номинации животных может лежать онома топ, имитирующий звуки неживой природы: *rattle* “to give out or cause a rapid succession of short, sharp sounds, as in consequence of agitation and repeated concussions” > *rattle-snake* “a type of poisonous American snake with bony rings in its tail which rattle”. В подобных образованиях акустический мотив номинации ослабевает, так как сложносоставная форма состоит уже из двух элементов – образного (*rattle*) и конвенционального (*snake*).

Интересно отметить, что некоторые наименования, которые в синхронии ощущаются как произвольные, восходят к звукоизобразительной основе. Так, например, У. Скит возводит английскую единицу *cow* “female of the bull” (< OE. *cy*) к общему корню *GU* с фонетически мотивированным значением “to bellow”: ср. Gael. *by*, L. *bos*, Skt. *go*, Swed. *ko* (также см. кит. *ngu*, *ngo*);

- имитация звуков, издаваемых животными > речь (манера, характер речи): *twitter* “to utter a succession of small, tremulous sounds, as a bird” > “to talk lightly and rapidly, esp. of trivial matters”; *bleat* “to utter the cry of a sheep, goat, or calf or a sound resembling such a cry” > “to babble; prate”; *cackle* “to utter a shrill, broken sound or cry, as of a hen” > “to chatter noisily”; *chirp* “to make a characteristic short, sharp sound, as small birds and certain insects” > “to

sound or utter in a chirping manner”; cuckoo “*to utter the call of the cuckoo or an imitation of it*”> “*to repeat monotonously*”;

- имитация звуков, издаваемых животными > эмоции: *twitter* “*to utter a succession of small, tremulous sounds, as a bird*” > “*to tremble with excitement or the like; be in a flutter*”; *cluck* “*to utter the cry of a hen brooding or calling her chicks*” > “*express concern, approval, etc., by such a sound*”; *hoot* “*to utter the cry characteristic of an owl*”> “*to cry out or shout, esp. in disapproval or derision*”; *howl* “*to utter a loud, prolonged, mournful cry, as that of a dog or wolf*”> “*to utter a similar cry in distress, pain, rage, etc.*”

Таким образом, можно сделать вывод о том, что придя в язык человека из окружающей его живой природы, этот пласт звукоподражательной лексики не был окончательно вытеснен на периферию в ходе эволюции языковой системы и усиливающейся роли произвольности языкового знака. Морфологические и семантические производные от этих основ пронизывают всю систему языка, в том числе и ее центральную часть, генетически оставаясь звукоподражательными и сохраняя ряд черт, специфических для звукоизобразительной системы языка, например, экспрессивизм и эмоциональность, образность и конкретность семантики. Рассматриваемая лексика подвержена регулярным метафорическим переносам, а, следовательно, может являться частью этнокультурной метафоры. С позиций когнитивно-логической метафоры как языковые выражения становятся возможны в силу того, что понятийная система человека метафорична в своей основе. То есть осмысление и переживание явлений одного рода в терминах явлений другого рода – это коренное свойство нашего мышления. В таком случае этнокультурная метафора выступает одним из основных составляющих ментальности нации – освоенного и понятого ею круга понятий, символов и образов. Ведь чтобы обеспечить собственное выживание, каждая культура должна выработать свой способ взаимодействия с жизненной средой, а так же установить рамки социальной реальности. Как известно, этнокультурные метафоры гораздо меньше подвержены изменению

во времени. Это связано с тем, что данная культура будет существовать до тех пор, пока будет сохраняться комплекс ее специфических черт, отличающих ее от других. В этой связи весьма интересными могут оказаться сопоставительные исследования, посвященные роли и эволюции фоносемантической составляющей этнокультурных метафор разных языковых систем.

Литература

1. Бенвенист, Э. Общая лингвистика/Э. Бенвенист. – М.: Изд-во Прогресс, 1974. – 447 с.
2. Вишневская, Г.М. Фоносемантическая характеристика звукоподражаний/Г.М. Вишневская//Знак: иконы, индексы, символы: Тезисы докладов международной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения проф. С.В. Воронина. – СПб.: Изд-во филол. Ф-т СПбГУ, 2005. – С. 19-20.
3. Воронин, С.В. Основы фоносемантики: моногр./С.В. Воронин. – М.: Изд-во ЛЕНАНД, 2006. – 248 с.
4. Воронин, С.В. Английские ономатопы (фоносемантическая классификация): моногр./С.В. Воронин. – СПб.: Изд-во “Геликон Плюс”, 2004. – 192 с.
5. Газов-Гинзберг, А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках?/А.М. Газов-Гинзберг. – М.: Изд-во Наука, 1965. – 183 с.
6. Петухова, Е.В. Биоакустические факторы в языке (на материале звукоподражательной подсистемы английского языка)/Е.В. Петухова//Иностранные языки в объединяющемся мире: описание, преподавание, овладение: Тезисы второй региональной конференции (Курск, 5-7 апреля 2001 года). Часть 1. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2001. – С. 30-32.

7. Etymological Dictionary of the English Language. Rev. Walter W. Skeat. New edition revised and enlarged. – Oxford, the Clarendon press, 1993, 780 p.
8. Kernerman English Multilingual Dictionary (Beta Version), © 2000-2006. <http://dictionary.reference.com>
9. The Oxford English dictionary. – Oxford, 1933, Vol. I-XII; Supplement.
10. Random House Unabridged Dictionary, 2-nd edition, Newly revised and upgraded, Stuart Berg Flexner (Editor in Chief), Leonore Crary Hauck (Managing Editor). – Random House, N.Y., 1987, 2478 p.

Сокращения

Gael. – Gaelic

L. – Latin

OE. – Old English

Skt. – Sanscrit

Swed. – Swedish